

На правах рукописи

КАРДАНОВА-БИРЮКОВА Ксения Суфьяновна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ:
СТРУКТУРНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2021

Работа выполнена на кафедре языкознания и переводоведения института иностранных языков Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Пищальникова Вера Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Бутакова Лариса Олеговна, заведующий кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

доктор филологических наук, профессор
Ионова Светлана Валентиновна, профессор кафедры общего и русского языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина»

доктор филологических наук, профессор
Валуйцева Ирина Ивановна, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московский государственный областной университет

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

Защита диссертации состоится 6 апреля 2022 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д850.007.08 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129626, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpi.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Э. В. Нерсесова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование представляет собой теоретическую концепцию моделирования речевого события как динамического феномена.

Коммуникация является организующим началом социума, определяющим динамику социальных отношений и бытия индивида и коллектива, поэтому изучение этого феномена представляет интерес для специалистов из разных научных областей и осуществляется исследовательскими инструментами ряда наук.

На протяжении нескольких столетий коммуникация является одним из центральных исследовательских объектов философии (Ю. Хабермас, К.-О. Апель, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн, М. Кастельс и др.); психологии (Т. Ньюкомб, Г. Малецке и др.); социологии (Н. Луман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, Э. Кац, М. де Флёр, Дж. Гербнер и др.); лингвистики (В. фон Гумбольдт, Ч. Осгуд, Н. Хомский, Р. Якобсон, В. Матезиус и др.); логики (Дж. Сёрль, Дж. Остин, П. Грайс, Дж. Лич, Т. ван Дейк и др.). В первой половине XX в. в связи с проникновением технических средств связи во все сферы жизни социума изучение коммуникации составило отдельную исследовательскую область в технических науках – математическую теорию связи (К. Шеннон, У. Уивер, Н. Винер, Р. Рид и др.). Представленный выше перечень ключевых персоналий дает основания утверждать, что современная наука располагает рядом аргументированных теоретических концепций и репрезентативным эмпирическим материалом, систематизация которых составляет одну из **актуальных задач** исследователя, нацеленного на построение общей теории коммуникации.

На базе изучения коммуникации сформулирован ряд междисциплинарных проблем: изучение порождения и понимания речи, моделирование фрагментов сознания как когнитивной основы речевой деятельности, онтогенез языковой способности и под.

В настоящее время исследование коммуникации – одно из активно развивающихся интегративных направлений (*communications studies*), в котором конструируются модели коммуникации, составляются перечни существенных свойств коммуникации, предлагаются описания принципов вербального и невербального общения, которое рассматривается как междисциплинарная исследовательская платформа.

Устойчивый интерес к такому, казалось бы, всесторонне изученному феномену связан с его структурной сложностью, детерминированной воздействием многочисленных разноприродных факторов. В связи с этим центральные задачи исследования коммуникативных процессов в рамках различных научных парадигм не совпадают: представители технических наук видят цель в выстраивании алгоритма передачи сообщения и измерении количества переданной информации; социология ориентирована на изучение влияния социальных структур на коммуникацию; инструментами психологии исследуются особенности реализации коммуникативных интенций говорящего в речевой деятельности и характер восприятия этих интенций слушающим; лингвисты устанавливают роль вербальной составляющей в интеракции, анализируют прагматические аспекты коммуникации, выявляют факторы, определяющие степень соответствия между содержанием речевой деятельности говорящего и его понимания слушающим.

Многообразие путей описания коммуникации акцентирует ряд общетеоретических проблем: выявление универсальных существенных свойств коммуникации; определение единицы коммуникации; моделирование механизма коммуникативного взаимодействия, что требует разработки новых экспериментальных методов. Решение перечисленных проблем затруднено отсутствием в современной лингвистике единой теоретической и методологической базы изучения коммуникации как *динамического* феномена.

Поэтому **актуальность** работы определяется необходимостью, во-первых, систематизации и осмысления теоретического и эмпирического

исследования коммуникации; во-вторых, формирования единой теоретической и методологической основы изучения коммуникации; в-третьих, конструирования нового междисциплинарного объекта – речевого события, проявляющего сущностные свойства коммуникации; в-четвертых, разработки экспериментальных методов, позволяющих анализировать собственно *динамику* речевого события.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые разрабатывается модель речевого события как линейной последовательности речевых действий в пределах одного коммуникативного акта с учетом имманентной ему континуальности на основе принципа рекурсивности как центрального принципа организации коммуникации. Предложенная модель верифицируется в серии социо- и психолингвистических экспериментов, результаты которых позволяют считать разработанную модель психологически реальной. Объяснительная сила модели демонстрируется в анализе речевых событий, относящихся к разным общественным сферам (политической, медиа-, научной, интернет- коммуникации). Намеренно широкий эмпирический материал дает возможность выстроить модели второго порядка на базе предложенной в исследовании динамической модели коммуникативного взаимодействия.

Методологическую основу разработанной модели формирует аутопоэтическая теория, представленная в когнитивной науке второй половины XX в. концепцией У. Матураны и Фр. Варелы [Maturana 1978; 1980; 1987; 1995; Varela 1974; 1979; 1997; Матурана 1995; 2000]. Фундаментальные принципы этой теории – эволюционный характер взаимодействия, имманентная континуальность и самоорганизация живой системы (субъекта коммуникации), в той или иной степени были намечены в разных лингвофилософских концепциях от В. фон Гумбольдта до Э. Сепира.

Объектом исследования является речевое событие как совокупность речевых действий, производимых в пределах одного акта коммуникации, **предметом** – рекурсивность как ключевой принцип организации речевого

события и его эволюционная доминанта. Под рекурсивностью понимается повторяющийся характер взаимодействия двух или более когнитивных систем, обладающих свойством адаптивности.

Цель исследования заключается в (1) моделировании структуры речевого события как рекурсивного взаимодействия участников коммуникации, в ходе которого происходит взаимная адаптация их когнитивных систем, и (2) установлении принципов эволюции речевого события.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**.

1. Изучение теоретических подходов к исследованию коммуникации, разработанных в разных научных областях на основе анализа объяснительных возможностей ведущих современных коммуникативных теорий.
2. Выявление принципов построения теоретической модели коммуникации с учетом сущностных свойств этого феномена.
3. Рассмотрение структурных особенностей речевого события и определение фундаментальных принципов его организации.
4. Анализ механизма рекурсивного взаимодействия субъекта коммуникации и конструируемой им среды в пределах речевого события, и конструирование модели эволюции речевого события.
5. Изучение опыта экспериментальных исследований речевой деятельности, разработка экспериментальных методов установления эволюции речевого события; эмпирическая верификация постулатов, лежащих в основе построенной модели.

Последовательное решение поставленных задач определило **структуру работы**, включающую две части: теоретическую и эмпирическую. Теоретическая часть направлена на решение двух первых задач и представлена двумя главами. В первой главе содержится анализ взглядов на сущность коммуникации как социального феномена, изучена

психологическая, лингвистическая, неврологическая и физиологическая основа коммуникации, *представлены различные теоретические подходы к исследованию коммуникативного взаимодействия* и наиболее авторитетные модели коммуникации.

Вторая глава посвящена анализу ключевых положений теории аутопоэза и применению ее постулатов в различных научных областях (социологии, психологии, робототехнике, компьютерном моделировании, медицине и пр.). В качестве основного результата в главе предложены *пути методологической обработки постулатов этой теории для исследования лингвистического объекта*.

Практическая часть исследования направлена на решение третьей, четвертой и пятой задач и реализуется также в двух главах. Третья глава отражает результаты серии психо- и социолингвистических экспериментов, в которых *верифицируются положения динамической (аутопоэтической) модели речевого события*. В четвертой главе рассмотрена *возможность применения разработанной модели для анализа речевых событий в разных сферах общественного бытия (политической, медиа-, научной, интернет-коммуникации)*, продемонстрированы перспективы и ограничения такого подхода.

В библиографический список вошло 251 наименование, из них 50 на иностранных языках. Текст диссертации сопровождается приложениями, в которых представлены наиболее значимые материалы, использованные в ходе проведения исследования.

На этапе планирования исследования была сформулирована **рабочая гипотеза**, согласно которой сущностным свойством коммуникации является континуальность, поэтому моделирование речевого события как совокупности линейно выстроенных речевых действий должно осуществляться на основе учета его динамической природы. Стержневым компонентом модели является рекурсивность, или повторяющийся характер взаимодействия субъекта коммуникации и конструируемой им среды как

фундаментальный принцип организации речевого события и его эволюционная доминанта.

Материал исследования представлен экспериментальными данными, полученными в ходе проведения серии психо- и социолингвистических экспериментов (общее количество аккумулированных анкет – более 200), а также образцы речевых событий (видеозаписи / стенограммы телевизионных политических дебатов (общее время звучащей речи – 4,5 часа), цикл медиатекстов (более 30 статей разного объема, опубликованных в течение одного календарного месяца), десять интернет-форумов, в каждый из которых вошло более 30 реплик, шесть видеозаписей / стенограмм защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата / доктора наук).

В качестве **методов** исследования используются общенаучные и собственно лингвистические методы: *моделирование*, представляющее собой основной инструмент исследования динамических объектов; *эксперимент*, направленный на верификацию отдельных постулатов построенной динамической модели речевого события; различные виды анализа языкового материала: *дистрибутивный анализ, контент-анализ, компонентный анализ* и др. В процессе обработки экспериментальных данных были применены *инструменты статистической обработки данных* (в том числе с опорой на пакет SPSS): коэффициент конкордации для анализа степени неоднородности мнений испытуемых, анализ частот рангов, коэффициент χ^2 Пирсона для определения статистической значимости межгрупповых различий и дисперсионный анализ.

Теоретическая база исследования сформирована:

- представлениями *социальной философии* о социальном взаимодействии, об активной роли субъекта социального взаимодействия, о динамике социальных отношений, заложенными в работах Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля, Н. Лумана, Л. Витгенштейна и др.;
- ключевыми положениями *теории аутопоэза* о центральной роли субъекта коммуникативного взаимодействия (живой системы), о зависимости

параметров среды от свойств конструирующего эту среду субъекта, о рекурсивном характере взаимодействия между субъектом коммуникативного взаимодействия и средой, изложенными в трудах У. Матураны и Фр. Варелы;

- постулатами *общепсихологической теории деятельности и теории речевой деятельности* о мотиве, лежащем в основе речевого действия, о цикличности речевой деятельности, о взаимосвязанности и взаимообусловленности речевой деятельности, речевого действия и речевой операции, сформулированными в работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. А. Пищальниковой, И. А. Герман и др.;
- положениями теории коммуникации о сущности коммуникации как социального феномена, о принципах и инструментах анализа коммуникативного взаимодействия, сформулированными в работах И. Э. Ключанова, Б. В. Кашкина, А. В. Соколова, Т. Г. Винокур и др.

Теоретическая значимость исследования связана с формированием теоретической и методологической основы изучения *речевого события*, с формулированием основных положений теории речевого события на базе новой методологии – аутопоэтической теории, с построением оригинальной структурно-эволюционной модели речевого события, с разработкой экспериментальных методов анализа речевого события с учетом имманентной ему континуальности. Это позволяет не только уточнить и развить положения отечественной теории речевой деятельности, теории коммуникации, теории дискурса, но и создать особое направление *динамического исследования речевого события*.

Задействованные в ходе проведения исследования инструменты анализа и концептуальный аппарат могут быть эффективно использованы для изучения динамических явлений языка в целом.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения предложенной модели и методологии к анализу социально значимых дискурсивных практик, для объяснения динамики структур

сознания и особенностей эволюции речевого события. Кроме того, разработанная модель позволяет прогнозировать динамику акта коммуникации и оценивать адаптивные свойства коммуникантов.

Выводы, полученные в работе, могут стать теоретико-методологическим основанием при подготовке теоретических курсов по общему языкознанию, теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации, теории дискурса; в курсах по выбору по проблемам теории текста, психолингвистики, социоллингвистики и в преподавании практических дисциплин «Практика устной и письменной речи», «Практикум по культуре речевого общения» и «Практикум по межкультурной коммуникации». Результаты диссертационного исследования могут найти применение при подготовке научных проектов, при написании курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по сопряженным проблемам, при составлении учебно-методических пособий, словарей и справочных пособий, при разработке корпусов текстов и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сущностным свойством коммуникации является имманентная ей континуальность, определяющая динамическую природу этого феномена и не являющаяся предметом систематического анализа в современных исследованиях. Поэтому в работе моделирование речевого события как совокупности линейно выстроенных речевых действий в пределах одного коммуникативного акта осуществляется с учетом континуальности коммуникации.
2. Речевое событие представляет собой междисциплинарный объект, проявляющий сущностные свойства коммуникации.
3. Основой лингвистического моделирования речевого события как междисциплинарного объекта может стать теория аутопоза и ее концептуальный аппарат, методологически обработанный и примененный к анализу социальной коммуникации.

4. Субъект социальной коммуникации представляет собой самоорганизующуюся систему, вступающую в рекурсивные отношения с конструируемой им средой, частью которой являются другие участники коммуникативного взаимодействия.
5. Системообразующим принципом эволюции речевого события является принцип рекурсивности, или повторяющийся характер взаимодействия между коммуникантом и выстраиваемой им средой.
6. Операциональной единицей коммуникации является рекурсивный шаг, или *эволюционное изменение в структуре* самоорганизующейся системы, выводящее её на новый уровень взаимодействия со средой (позволяющее ей выстраивать более сложную среду и, следовательно, вступать в более сложные отношения с этой средой).
7. Характер и эффективность рекурсивного шага определяются свойствами живой системы (коммуниканта).
8. Самоорганизация как фундаментальное биологическое свойство живой системы, определяющее общую эволюцию этой системы, не доступна изучению только инструментами лингвистики. Это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Поэтому модель структуры субъекта социального взаимодействия, помимо центрального методологического принципа самоорганизации, с необходимостью включает активность субъекта, языковую способность и структурность речевого действия.
9. Функциональная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности, адекватная средовым факторам, обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде и, как следствие, равновесные коммуникативные отношения. В связи с этим релевантно выделение двух типов коммуникативных систем: нерезистивных, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и резистивных, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными механизмами.

10. Речевое событие структурируется под воздействием иерархии средовых факторов, обусловленной уникальными свойствами и актуальным состоянием коммуниканта. Сходство в иерархии средовых факторов является основанием типологии способов адаптации коммуникантов в среде.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования и основные положения работы были представлены в форме докладов и сообщений на научных и научно-практических конференциях и конгрессах, в частности:

- научно-практических конференциях «Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе» (г. Москва, Академия ФСБ, 2007-2015 г.);
- международной научной конференции «Березинские чтения “Языковое бытие человека и этноса”» (г. Москва, ИЯ РАН, ИНИОН РАН, МГЛУ, 2007-2021 гг.);
- всероссийских межвузовских научно-методических конференциях «Англистика XIX века» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2007-2019 гг.);
- международной научно-практической конференции «Горизонты психолингвистики» (г. Тверь, ТвГУ, 2010-2014 гг.);
- научных сессиях ИИЯ МГПУ «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики» (г. Москва, МГПУ, 2006-2021 гг.);
- международном конгрессе EURALEX (г. Любляна, Словения, 2018 г.);
- 52, 53, 54 и 56 международных лингвистических коллоквиумах (г. Эрланген, Германия, 2017 г.; г. Оденсе, Дания, 2018 г.; г. Москва, 2019 г.; онлайн-конференция на платформе Zoom, 2020 г.);
- международная научная конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (г. Нижний Новгород, НГЛУ, 2021 г.) и др.

По теме диссертации опубликовано 44 научные статьи (общим объемом **27,59** п.л.), из них 16 статей, опубликованных в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства

образования и науки РФ, и 3 публикации в журналах, индексируемых в международных реферативных базах данных Scopus и Web of Science. Опубликовано глава «Принципы конструирования деятельностной модели перевода: аутопоэтический подход» коллективной монографии «Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: комплексный анализ переводческого процесса» (Москва: ЛЕНАНД, 2015. С. 208-248). Опубликовано глава «Сопоставительный анализ динамики “имперского” сознания американцев и русских (по данным ассоциативного эксперимента)» коллективной монографии «Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики» (Москва: Р. Валент, 2019. С. 146-181).

Достоверность выводов исследования определяется, во-первых, выбором методов исследования, адекватных поставленной цели; во-вторых, объемом вышперечисленного репрезентативного языкового материала; в-третьих, верификацией предложенной автором динамической модели коммуникации в серии психо- и социолингвистических экспериментов; в-четвертых, применением к анализу и интерпретации экспериментальных данных инструментов статистического анализа.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы логически определяется последовательностью решения поставленных задач для достижения сформулированной цели. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во **Введении** предлагается обоснование актуальности темы исследования, описывается общий теоретический и методологический контекст научного исследования коммуникации, излагаются наиболее значимые теории и взгляды на сущность коммуникации, аргументируется научная новизна исследования, вводятся ключевые для исследования

понятия речевого события и рекурсивности, формулируются объект и предмет исследования, рабочая гипотеза, ставятся исследовательская цель и необходимые для ее решения задачи, обосновываются теоретическая значимость и практическая ценность исследования, описывается методология исследования, характеризуется изучаемый материал, приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава 1 **«Коммуникация как объект гуманитарных наук: исследовательские подходы и инструменты»** формирует общий научный контекст изучения коммуникации и содержит обзор релевантных для исследования теорий и взглядов на сущность коммуникации и природу этого континуального социального феномена (философских, социологических, политологических, психологических, технических и лингвистических).

В параграфе 1.1. **«Феноменологическая сложность коммуникации, параметры коммуникации»** предлагается обзор наиболее значимых теорий коммуникации, критически анализируются взгляды представителей гуманитарных и технических наук на сущность коммуникации и осуществляется отбор параметров для конструирования исследовательского объекта.

Отсутствие общепринятой системы параметров коммуникации как исследовательского объекта и принципов моделирования механизма коммуникативного взаимодействия требует введения системы фильтров (по аналогии с подходом Ф. де Соссюра) и отсеечения тех характеристик, которые не могут (и не должны) анализироваться инструментами выбранной ученым научной платформы. Это не представляет сложности в том случае, когда исследователь опирается на теоретические постулаты одной науки, однако внутренние концептуальные противоречия неизбежно возникают, если исследование претендует на междисциплинарность, в которой, как правило, видят возможность расширения, а не установления *структурной сложности* научного объекта.

В 1970-е гг. были предприняты первые попытки систематизации имеющихся в науке толкований коммуникации, среди которых наибольшую известность получило исследование Ф. Данса, направленное на анализ 95 определений коммуникации [Dance 1970] и обнаружившее в дефинициях 15 концептуальных компонентов. Поскольку изученные определения оказалось невозможным свести к одному общему, Ф. Данс предложил понимать коммуникацию как «семью родственных понятий», а не специфический концепт, что позволит избежать «теоретических поводов для раскола» в научных мнениях.

Проведенный нами анализ позволяет определить наиболее значимые параметры коммуникации: (1) коммуникация как *связь / взаимодействие / движение*; (2) коммуникация как *передача информации / реакция* на внешнее воздействие / *обработка* полученного сигнала / *понимание* реципиентом сообщения, отправленного адресантом; (3) коммуникация как *передача информации / знаков / смыслов / сообщений / сигналов*; (4) коммуникация как *взаимодействие между двумя и более субъектами / субъектом и объектом*; (5) коммуникация как *канал* передачи информации; (6) коммуникация как процесс, реализующийся *в социальном контексте*. При этом в одной дефиниции может эксплицироваться несколько параметров.

Осознавая необходимость выйти за рамки механистического толкования коммуникации, социологи, психологи, философы и лингвисты нередко оперируют такими категориями, как смысл, эмоция, знак и пр. Ср. коммуникация – это «*движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий*» (Л. В. Гнатюк); «*движение смыслов в социальном пространстве и времени... движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве*» (А. В. Соколов); «...передача и взаимопередача *информации, чувственных оценок, значений, смыслов, ценностей*, которая занимает ведущее место в сфере социальных процессов» (С. В. Бориснев); «*обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками*» (В. Б. Кашкин) и пр.

Иная система интерпретативных категорий представлена в отечественной психолингвистике. Для анализа особенностей порождения и понимания речевого сообщения в ряде работ используется известная диада «психологическое значение – личностный смысл», предложенная и обоснованная А. Н. Леонтьевым. С опорой на эту категориальную пару возможно представить понимание речевого сообщения как процесс формирования иерархии личностных смыслов, в центре которой оказываются доминантные смыслы реципиента (см. [Пищальникова 1992]). Такой путь осмысления коммуникативного взаимодействия представляется перспективным, поскольку акцентирует новые грани этого процесса.

Но и в этом случае заданные единицы описания не являются операциональными: психологическое значение и личностный смысл – категориальные единицы высокого уровня, поэтому они не позволяют собственно моделировать процесс понимания. Кроме того, в ряде исследований анализ психологического значения сводится, в сущности, к анализу лексического значения (поскольку эта единица является операциональной), которое в концепции А.Н. Леонтьева рассматривается как один из видов психологического значения.

В результате анализа подходов, представленных в современной научной литературе, определена совокупность существенных признаков коммуникации: направленность, знаковость, содержательность и активность субъекта коммуникативного взаимодействия. Этот перечень существенных признаков коммуникации традиционно является основой конструирования исследовательского объекта.

В параграфе 1.2. **«Принципы конструирования научного объекта инструментами точных и гуманитарных наук»** закладывается теоретическая основа для конструирования нового междисциплинарного объекта – речевого события, проявляющего сущностное свойство коммуникации – континуальность.

Моделирование может происходить с учетом таких особенностей коммуникации, как передача информации (технический подход), взаимодействие двух участников коммуникативного взаимодействия (психологический подход), социальное взаимодействие, направленное на организацию совместной деятельности (социологический подход), наличие вербальной канвы (собственно лингвистический подход) и др. Экспликация каждого из перечисленных параметров стала основой известных моделей коммуникации.

Модели коммуникации, разрабатываемые специалистами в области технических наук, связаны с рассмотрением коммуникации как технического процесса передачи информации от адресанта к адресату через тот или иной канал связи [Шеннон 1963; Винер 2003; Рид 2005 и др.]. Философские концепции, в которых представлено осмысление современных форматов коммуникации, появились в середине XX в. [Апель 2001; Habermas 1981; Хабермас 2006; Луман 2007а; 2007б; Парсонс 2008; Щюц 2021 и др.]. Некоторые теории приобрели широкую известность и формируют основу многих современных исследований коммуникации: трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, аутопоэтическая теория общества Н. Лумана; теория социального действия Т. Парсонса. Первые исследования коммуникации в социологической науке связаны со становлением массовой коммуникации, посредством которой появился новый формат распространения информации: от знающего меньшинства к неосведомленному большинству [Lasswell 1927; Lazarsfeld 1944; Campbell 1960; Katz 1966]. Модели, построенные в этих исследованиях, являются однонаправленными и линейными, что обусловлено спецификой анализируемого материала. Такие модели субъектно-объектного взаимодействия описывают возможности речевого воздействия через каналы массовой информации. Напротив, модели, разрабатываемые психологами, выявляют механизм взаимодействия в межличностной коммуникации и ориентированы на простые бытовые коммуникативные акты [Newcomb 1953;

Фестингер 1999]. Наряду с этим, психологи разрабатывают подход, в котором намечается преодоление субъектно-субъектных / субъектно-объектных моделей коммуникации: моделирование коммуникативной личности, коммуникативного поведения, коммуникативного сознания и коммуникативной компетенции. В лингвистике также представлены разные подходы к анализу коммуникации, позволяющие охватить новые грани этого феномена: дискурсивный подход, коммуникативно-прагматический подход (теория речевых актов, диада «коммуникативная стратегия» – «коммуникативная тактика» и др.), описание речевого поведения говорящего и слушающего с опорой на исследовательскую схему Т. Г. Винокур и др.

В отечественной психолингвистике, методологической основой которой является общепсихологическая теория деятельности, учитывается *континуальность* как сущностное свойство коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как система речевых действий, «сущность которых обнаруживается при соотнесении структуры и элементов речевого высказывания с содержанием, мотивом и формой деятельности индивида» [Пищальникова 2005, С. 131]. Таким образом, изучение речевой деятельности человека осуществляется на основе анализа ее мотива и выделения в ней действий и операций.

Однако при всем многообразии путей описания коммуникативного взаимодействия (специалисты насчитывают около 250 подходов) в таких исследованиях решаются частные вопросы и рассматриваются специфические формы коммуникации. При этом они не ориентированы на учет *системы* сущностных свойств коммуникации, среди которых наиболее значимым является ее *континуальность*.

В Главе 2 «**Аутопоэтическая теория как методологическая основа исследования коммуникации**» излагаются основные положения биологической теории аутопоэза, описывается процесс методологической обработки ключевых интерпретативных категорий теории аутопоэза для исследования лингвистического объекта, задаются принципы

конструирования динамической модели коммуникации, представлена разработанная автором динамическая модель.

В параграфе 2.1. **«Перспективы научного осмысления коммуникации»** анализируются разработки исследователей, пытающихся выйти за пределы традиционных толкований коммуникации и эксплицировать те её признаки, которые ранее находились на периферии научного осмысления. Как представляется, эти подходы, в ряде случаев задающие новый интегративный исследовательский объект, имеют высокий объяснительный потенциал, поскольку в них выстраиваются модели второго порядка, приложимые к эмпирическому материалу [Клюканов 1998; 1999; 2010; 2018; Залевская 1977; 2007].

Параграф 2.2. **«Теория систем в осмыслении континуальных явлений»** содержит осмысление перспектив изучения коммуникации с позиции общей теории систем. Подобная задача ставится давно и в целом успешно решается (см. лингвосинергетический подход, системно представленный в работах И. А. Герман; философские исследования В. Г. Буданова, В. И. Аршинова, В. В. Тарасенко, Е. Н. Князевой и др.).

В параграфе 2.3. **«Теория аутопоэза: ключевые категории и постулаты»** систематизируются ключевые положения аутопоэтической теории, формирующей теоретическую основу исследования [Maturana 1978; 1980; 1987; 1995; Varela 1974; 1979; 1997; Матурана 1995; 2000].

В центре внимания находится *живая система*, или «сеть процессов производства, трансформации и деструкции компонентов, которые необходимы для непрерывного поддержания самих этих процессов и которые в совокупности предстают в качестве отдельного локализованного в среде объекта, в рамках которого эти процессы реализуются» [Матурана 1995, С. 79]. В соответствии с этим определением живая система представляет собой имеющее временные и пространственные границы образование, в котором непрерывно протекают процессы, направленные на самосохранение и самоорганизацию. Исходя из приведенной выше

дефиниции, простое перечисление атрибутов живой системы (ее физических и биологических характеристик) менее релевантно, чем изучение активного характера ее деятельности (тех потенций, которые могут актуализироваться в деятельности) (см. [Сонин 2006]).

Структурные изменения происходят во взаимодействии живой системы со *средой*, определяемой в теории аутопоэза как «область всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемая свойствами этих объектов (их измерениями)» [Maturana 1978, С. 33]. Функциональное единство «субъект – среда» структурно пластично, адаптивно, подвижно и создает импульс для своей дальнейшей эволюции. Постоянное изменение каждого из компонентов этого единства проявляется в том, что на разных этапах континуального взаимодействия соотношение субъекта и среды принципиально иное и является *асимметричным*. Равновесные отношения между системой и ее средой эмерджентны: структурная подвижность и системы, и среды не способствует сохранению равновесия на длительное время, поэтому баланс постоянно нарушается, что, в свою очередь, требует дальнейшей реструктуризации системы, и, как следствие, *конструирования системой новой среды*.

Следовательно, если две живые системы вступают во взаимодействие, они воспринимают друг друга как элемент среды наравне с другими средовыми факторами. Отсюда говорить о взаимодействии между двумя живыми системами возможно, только пребывая в позиции наблюдателя. У. Матурана уделяет особое внимание позиции наблюдателя, поясняя, что при этом из рассмотрения исчезает ряд релевантных параметров (эта мысль также поддерживается и развивается далее в работах В. И. Аршинова).

Параграф 2.4. «Теория аутопоэза как методологическая основа научных исследований» содержит анализ возможностей адаптации аутопоэтической теории в разных научных областях (в исследованиях искусственного интеллекта, робототехнике, компьютерном моделировании,

медицине и физиологии и в гуманитарных науках (социологии, психологии, лингвистике и пр.)).

В технических дисциплинах реализуются исконные принципы функционирования аутопоэтической системы, при этом авторы таких моделей ставят перед собой задачу поиска практического «выхода» теории аутопоэза и ее применения в производстве реальных объектов и систем. Существенное различие этих подходов, на наш взгляд, заключается в том, что технические науки *разрабатывали принципиально новые адаптивные системы*, способные взаимодействовать со средой, а гуманитарные анализировали уже существующие системы, *обнаруживая в них аутопоэтические характеристики*. Именно поэтому, вероятно, применение теории аутопоэза не получило широкого распространения в гуманитарных науках: то, что живые системы разного рода принципиально аутопоэтичны, стало казаться тривиальным, однако моделей второго уровня, которые бы разрабатывали применение аутопоэтического концептуального аппарата к конкретным гуманитарным объектам, создано мало (в социологии) или не создано вообще (в лингвистике, психологии).

В параграфе 2.5. **«Методологическая обработка понятий теории аутопоэза для исследования психолингвистического объекта»** демонстрируется, как адаптация положений аутопоэтической теории задает принципиально новое направление исследования коммуникации.

С позиции теории аутопоэза определяющим свойством субъекта коммуникативного взаимодействия является способность к *самоорганизации*. Поскольку самоорганизация не доступна изучению инструментами лингвистики, это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Рассуждения, представленные в главе 2, привели к формулированию следующих свойств субъекта социального взаимодействия: активность (отражает активную позицию субъекта коммуникации), языковая способность («совокупность операционально-действенных ментальных механизмов или оптимизирующих когнитивных стратегий, осуществляющих

вербализацию знаний и мнений и проявление универсального механизма вербализации ментального содержания» [Бутакова 2021]) и структурность (отражает его перцептивно-когнитивно-аффективную базу, его коммуникативный опыт, степень сформированности его психических операций, его гибкость и пр.). С учетом этого была построена модель структуры субъекта социального взаимодействия, в которой центральное положение занимает свойство самоорганизации, вокруг него выстроены свойства второго порядка (Рис. 1.)

Рис. 1. Модель структуры субъекта социальной коммуникации

В соответствии с изложенной методологией, представленные в модели свойства активности, структурности и языковой способности образуют разные иерархии в зависимости от того, какие средовые факторы идентифицируются коммуникантом, и от его субъективной иерархизации этих факторов. В ситуациях, когда языковая способность оказывается недостаточной для совершения ответного речевого действия, коммуникант может использовать, например, свойство активности (ситуация общения на иностранном языке, когда коммуникант, в неполной мере понимающий адресованные ему высказывания, задает последовательность вопросов, чтобы обеспечить взаимопонимание и совершить ответное речевое действие) или

структурности (коммуникант, не способный в полной мере понять адресованные ему высказывания, устанавливает параллели между текущим коммуникативным актом и аналогичными и в ответном речевом действии ориентируется на свой прошлый опыт коммуникативного взаимодействия) и т.д.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде и, следовательно, восстановление равновесных социальных отношений. Неудачно выбранная доминанта, напротив, замедляет процесс адаптации и требует совершения большего числа речевых действий для того, чтобы вновь выстроить равновесные отношения между коммуникантом и средой. В связи с этим релевантным представляется выделение двух типов систем: *нерезистивных*, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и *резистивных*, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными механизмами, препятствующими их адаптации к среде.

Адаптация теории аутопоэза к исследованию лингвистического объекта требует установления операциональной единицы коммуникации. В работе вводится понятие **рекурсивного шага** – эволюционного изменения в организации структуры системы, выводящего её на новый уровень взаимодействия со средой.

Характер и эффективность рекурсивного шага определяются прежде всего свойствами живой системы: структурностью, активностью и языковой способностью. Гибкость живой системы создает возможность для выстраивания различных иерархий из этих свойств: на каких-то этапах коммуникации ответное речевое действие субъекта коммуникации определяется его языковой способностью, на других – его активностью и т.д. Разные соотношения свойств живой системы реализуются в виде разных адаптационных механизмов, а следовательно, разных ответных речевых действий.

С учетом вышесказанного коммуникация может быть представлена в виде следующей модели (Рис. 2):

Рис. 2. Динамическая модель речевого события

В главе 3 «**Экспериментальное исследование специфики реализации адаптационных механизмов участниками межличностной коммуникации**» представлены результаты серии психо- и социолингвистических экспериментов, которые были разработаны специально для верификации предложенной аутопоэтической модели коммуникации.

В эксперименте воссоздавались ситуации естественного общения, поскольку именно в таких коммуникативных ситуациях человек использует стандартный алгоритм адаптивного поведения с целью максимально быстрого достижения равновесия со средой и, тем самым, сохранения собственной организации.

На первом этапе планирования эксперимента основные положения модели были оформлены в виде экспериментальных гипотез:

1. Речевое событие структурируется под воздействием иерархии средовых факторов, обусловленной уникальными свойствами и актуальным состоянием субъекта коммуникации.
2. Субъект коммуникации идентифицирует социальный дисбаланс исходя из собственного актуального состояния, которым определяется алгоритм коммуникации.
3. Количество и характер действий, в том числе речевых, необходимых для ликвидации дисбаланса, определяется актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации.
4. Способность коммуниканта идентифицировать и использовать релевантную для конкретных условий коммуникации иерархию коммуникативных свойств обеспечивает эффективное восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и средой.

Планирование и проведение эксперимента, а также обработка экспериментальных данных осуществлялись с учетом сформулированных гипотез.

Экспериментальная выборка

В эксперименте добровольно приняли участие 185 испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет (младшая возрастная группа). Отбор испытуемых производился с учетом возрастного критерия и рода деятельности (все испытуемые из этой возрастной группы являются студентами крупных вузов РФ): гомогенность экспериментальной выборки делает полученные в эксперименте данные валидными и позволяет экстраполировать их на всю генеральную совокупность.

Для выявления особенностей коммуникативного поведения в эксперимент была введена дополнительная экспериментальная группа, состоящая из 34 испытуемых в возрасте от 40 до 60 лет (старшая возрастная группа). Включение контрольной группы связано с необходимостью оценить то, насколько универсальными являются выявленные в эксперименте закономерности коммуникативного поведения.

Полярность возрастных групп выступает гарантией того, что испытуемые, вошедшие в две экспериментальные группы, обладают различными социо-когнитивными характеристиками, являющимися определяющими в коммуникативном поведении человека. Если различия коммуникативного поведения не будут установлены при сопоставлении экспериментальных данных, полученных от двух групп, универсальность модели коммуникативного взаимодействия может быть подтверждена.

Число участников в каждой группе отражено в таблице (Табл. 1).

	Экспериментальная группа 1 (младшая возрастная группа)	Экспериментальная группа 2 (старшая возрастная группа)
Пол	мужчины – 67 человек женщины – 118 человек	мужчины – 9 человек женщины – 25 человек
Возраст	17-24 года	40-60 лет
Образование	неполное высшее (все испытуемые из ЭГ1)	высшее – 30 человек среднее / среднее специальное – 4 человека
Родной язык	русский	русский
Общее количество анкет	185 анкет	34 анкеты

Таблица 1. Социо-когнитивные характеристики участников эксперимента

Экспериментальный материал

В качестве экспериментального материала использовались анкеты на русском языке, включающие три задания (представляющие собой анализ кейсов).

В ходе выполнения первого задания испытуемым предлагалось перечислить релевантные для них факторы в предложенных экспериментальных ситуациях и далее ранжировать их. Для анализа было предложено четыре типовые ситуации:

Ситуация 1. Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают

Ситуация 2. Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)

Ситуация 3. Ваш научный руководитель рекомендовал Вас для участия в конференции в известном вузе. Вы подготовили доклад. Завтра Вам предстоит выступить

Ситуация 4. Ваш сосед в поезде / самолете начинает разговаривать с Вами.

Экспериментальное задание представляло собой задание открытого типа, в котором испытуемым предлагалось самостоятельно продумать перечень релевантных для них факторов и ранжировать их.

Ожидалось, что различия иерархий средовых факторов, выстроенных испытуемыми, продемонстрируют уникальность / унифицированность тех актуальных состояний, которые характеризуют участников эксперимента в момент выполнения задания.

Второе задание было направлено на верификацию двух гипотез (№2 и №3). Испытуемым было предложено спрогнозировать последовательность действий, которые они совершили бы в той или иной ситуации социального взаимодействия. В описании каждой ситуации был назван некий «раздражитель», который может вывести живую систему из состояния равновесия. Допускалось, что этот «раздражитель» может оказаться не основным, а испытуемыми могут быть выявлены (смоделированы) иные раздражающие факторы. При этом измерялось одновременно два фактора: на первом этапе анализа устанавливалось, (1) является ли предложенный в задании «раздражитель» источником дисбаланса для участника эксперимента; если испытуемый выстраивал стратегию коммуникативного поведения, ориентируясь на предъявленный раздражитель, далее анализировалось, (2) какое количество действий потребовалось для ликвидации дисбаланса.

Для анализа было предложено четыре типовые ситуации (кейса):

Ситуация 1. К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия.

Ситуация 2. В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия.

Ситуация 3. Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит, о чем Вы говорите, и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия.

Ситуация 4. Вы отвечаете на комментарий к Вашей фотографии в социальной сети. В комментарии содержится критика. Ваши действия.

Третье экспериментальное задание было направлено на верификацию гипотезы №4. В ходе его выполнения испытуемым было предложено смоделировать ответные речевые действия, которые они использовали бы в ответ на одно из четырех представленных высказываний:

Высказывание 1. Вы можете формулировать мысль четко

Высказывание 2. С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?

Высказывание 3. Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению

Высказывание 4. Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры

Анализ ответов испытуемых позволил выявить доминантное структурное свойство, являющееся определяющим при совершении ответного речевого действия.

Порядок проведения эксперимента

Эксперимент с русскими испытуемыми проводился в индивидуальном порядке и коллективно. Для распространения анкет использовались как личные контакты, так и сайты вузов, форумы, чаты. Испытуемым экспериментальный материал предъявлялся в виде печатной анкеты или в электронном варианте через платформу для проведения онлайн-опросов: www.survio.com.

При предъявлении анкеты в печатном варианте осуществлялся контроль времени выполнения задания (общее время выполнения – 20 минут в связи со средним психологическим показателем сохранения стабильности внимания). Если анкета предлагалась в электронном варианте, в предваряющей выполнение собственно экспериментальных заданий инструкции испытуемых просили выполнить все экспериментальные задание также в течение 20 минут.

Зависимые и независимые переменные

В ходе проведения эксперимента (в трех заданиях) осуществлялась манипуляция тремя переменными: возраст, пол и социо-когнитивные характеристики испытуемых. Первая переменная была представлена двумя модальностями: «от 17 до 24 лет» и «от 40 до 60 лет» (периодизация была разработана с опорой на периодизацию развития Э. Эриксона). Вторая переменная отражена в двух модальностях: «мужчина» и «женщина».

В параграфе 3.3. «**Результаты эксперимента**» представлены все этапы обработки экспериментальных данных.

На первом этапе анализа экспериментальные анкеты были распределены по группам в зависимости от возрастных, гендерных и социо-когнитивных параметров испытуемых. Далее ответы участников эксперимента подверглись статистической обработке и были проинтерпретированы. На завершающем этапе результаты анализа ответов, полученных в разных экспериментальных группах, были сопоставлены между собой, чтобы определить степень унифицированности / уникальности решений, предложенных испытуемыми.

Результаты обработки экспериментальных данных, полученных в ходе предъявления испытуемым первого задания, в целом **верифицируют первую экспериментальную гипотезу**. Так, иерархизация средовых факторов уникальна: принимая решение о необходимости участия в коммуникативном

взаимодействии, субъект коммуникации идентифицирует факторы среды исходя из собственной организации. Чем моложе субъект, тем более вариативным является его выбор. Однако по мере взросления и приобретения коммуникативного опыта, индивид все чаще ориентируется на уже сложившиеся образцы коммуникативного поведения.

При этом для среднестатистического индивида релевантны социально одобряемые составляющие коммуникации. Можно предположить, что коммуникация как содержательное взаимодействие утрачивает значимость в современном социуме, уступая место клишированным образцам коммуникативного взаимодействия.

Количество средовых факторов, идентифицируемых коммуникантом на этапе принятия решения относительно важности участия в коммуникативном взаимодействии, сокращается по мере взросления индивида. Вероятно, это связано с тем, что более взрослые коммуниканты ориентируются на уже известные им образцы коммуникативного поведения.

Однако количество и качественный состав средовых факторов, идентифицированных испытуемыми, которые относятся к разным гендерным группам, принципиально не различается. Это позволяет говорить о том, что коммуникативное поведение человека существенно не определяется его гендерной принадлежностью.

Вторая экспериментальная гипотеза также была подтверждена данными, полученными при предъявлении испытуемым второго экспериментального задания.

Сопоставительный анализ ответов мужчин и женщин из экспериментальной выборки показал, что молодые мужчины при предъявлении экспериментальной ситуации № 2, предлагают значительно больше нелинейных сценариев, чем молодые женщины (25,4 % vs. 12 %). При этом выбор сценария коммуникативного поведения определяется рядом факторов: реакция человека, которого вы задели (*Извиниться за это и, если человек жаждет объяснений, то попытаться рассказать ему, что это*

было случайностью; *Может, попрошу прощения (зависит от реакции того человека)*); характер касания (*Извиниться. Если касание незначительное – проигнорировать*); характер замечания (*Если замечание вежливо, извиниться, если грубое – оставить без внимания*). В ряде случаев выбор поведенческого сценария не мотивируется (ср. *Либо не обратить внимания, либо ответить на замечание замечанием; Извинюсь или проигнорирую замечание; Попрошу прощения или промолчу*).

Молодые женщины в возрасте от 17 до 24 лет предлагают довольно много развернутых ответов, описывающих последовательность речевых / неречевых действий: *Постараюсь уйти от нежелательного собеседника, стараясь не обидеть человека и сменить тему беседы* (экспериментальная ситуация № 3); *Обратить внимание этого человека на то, как много людей в вагоне, и сказать, что я не обязана извиняться* (экспериментальная ситуация № 2). Вероятно, это связано с выстраиванием испытуемыми экспериментальной группы некоего сценария поведения в рамках заданной коммуникативной ситуации без опоры на шаблонные ответные действия из своего предшествующего коммуникативного опыта. При этом в ряде случаев описываются не конкретные речевые / неречевые действия, а эмоциональные реакции на них: *Извинюсь и буду улыбаться* (экспериментальная ситуация № 2); *Извинюсь, конечно же, и постараюсь стать как можно меньше, не причиняя дискомфорта окружающим* (экспериментальная ситуация № 2); *Извинюсь и буду долго переживать по этому поводу* (экспериментальная ситуация № 2). Такие ответы отражают желание испытуемых выстроить более широкий контекст собственного речевого / неречевого поведения (при этом испытуемые отступают от экспериментального задания, расширяя его рамки).

Анализ всей совокупности экспериментальных анкет женщин в возрасте от 17 до 24 лет показал, что их ответы часто бывают полярными: «вежливые»: *Извинюсь и скажу, что сделала это не специально* (экспериментальная ситуация № 2); *Попрошу прощения и сделаю невинное*

выражение лица (как у котика из «Шрека») (экспериментальная ситуация № 2); *Поддержу тему* (экспериментальная ситуация № 3) и под. и «грубые»: *Попрошу, чтобы человек отстал* (экспериментальная ситуация № 3); *Нахамлю* (экспериментальная ситуация № 3) и др.

Некоторые ответы можно распределить на шкале «развернутый нелинейный сценарий – минимум действий (отказ от ответных действий)». Так, в первую группу входят ответы, построенные по модели *если... то...*, например: *Если критика по существу, поблагодарю человека за то, что указал на что-то важное, если нет – удалю комментарий* (экспериментальная ситуация № 4); *Если это не очень личная тема, проявлю интерес к этому человеку; если тема личная, переключусь на другую, чтобы человек понял, что я не желаю обсуждать это с ним* (экспериментальная ситуация № 3). Во вторую группу включены ответы, содержащие одно ответное речевое / неречевое действие или предполагающие отказ от совершения ответного речевого действия, например: *Игнор* (экспериментальная ситуация № 4); *Извинюсь* (экспериментальная ситуация № 2); *Промолчу* (экспериментальная ситуация № 2).

Некоторые ответы испытуемых из экспериментальной группы I вошли в кластер «оценка ситуации как социально приемлемой»: *Продолжу разговор втроем, часто сама комментирую и вступаю в разговор третьих лиц* (экспериментальная ситуация № 3). Альтернативу этому кластеру составили ответы, вошедшие в кластер «оценка ситуации как социально неприемлемой»: *Сделаю замечание о том, что это некультурно; попрошу знакомого / ую отойти в другое место / в сторону* (экспериментальная ситуация № 3).

Участники эксперимента мужского пола в возрасте от 17 до 24 лет предлагают преимущественно неразвернутые ответы, отражающие минимум ответных речевых / неречевых действий: *Извинюсь* (экспериментальная ситуация № 2); *Начнем общаться вместе с ним* (экспериментальная

ситуация № 3); *Ответить* (экспериментальная ситуация № 4); *Удалю комментарий* (экспериментальная ситуация № 4).

При этом ответы молодых мужчин демонстрируют, как правило, положительное отношение участников этой группы к предъявленным экспериментальным ситуациям: они открыты для коммуникативного взаимодействия, не реагируют на обращенное к ним речевое действие негативно, не конфликтны. Ср.: *Ответить так, чтобы не развивать конфликт* (экспериментальная ситуация № 2); *Ничего не имею против, пусть включается в разговор* (экспериментальная ситуация № 3); *Обсудить, спросить, что не так с фотографией, чтобы стать лучше* (экспериментальная ситуация № 4). Это свидетельствует об их открытости для социального взаимодействия, о готовности участвовать в коммуникации.

Проведенный анализ ответов испытуемых позволяет говорить о том, что наиболее выраженные различия наблюдаются на стыке экспериментальных групп (с учетом контролируемых в эксперименте параметров «гендер» и «возраст»). Однако внутригрупповая однородность также является сравнительно невысокой, и это свидетельство того, что коммуникация определяется индивидуальными характеристиками живой системы (коммуниканта). Как показали результаты эксперимента, чем более многочисленна группа, тем более выражены различия (больше испытуемых было в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет, и именно в ней наблюдаются самые выраженные расхождения).

Дополнительным подтверждением того, что характер взаимодействия в первую очередь определяют индивидуальные особенности коммуниканта – актуальные состояния живой системы, – выступает подчеркивание испытуемыми субъективных факторов, определяющих характер ответного речевого / неречевого действия (Ср. *если не в настроении...*).

Эти наблюдения также **подтверждают третью экспериментальную гипотезу** и позволяют говорить о значимости выявления индивидуальных характеристик коммуникантов на этапе, предвещающем анализ их

коммуникативной деятельности (ср. сходную точку зрения в [Трофимова 2003; Пищальникова 2020]).

Наименее последовательные результаты были получены при предъявлении испытуемым ряда высказываний в рамках выполнения последнего задания. В связи с этим едва ли целесообразно говорить об **экспериментальной верификации четвертой экспериментальной гипотезы**, которая на данном этапе может рассматриваться только как теоретический постулат. Требуется разработка уточняющих экспериментов для оценки степени эффективности восстановления равновесных отношений между коммуникантом и выстраиваемой им средой.

Следует, однако, отметить, что данные, полученные в ходе проведения третьего этапа эксперимента способствовали дополнительной верификации первых трех гипотез.

В главе 4 **«Принципы моделирования коммуникации с применением методологии аутопозза»** представлен анализ реализованной коммуникации, зафиксированной в виде видеозаписей / стенограмм политических дебатов, видеозаписей / стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, текстов статей из различных медиаисточников, материалов интернет-форумов. В этих и других доступных для анализа образцах коммуникация является *целостным речевым событием*, определяемым как *завершенный акт коммуникативного взаимодействия, инициированного в момент нарушения равновесия между живой системой (коммуникантом) и средой и завершенного в момент, когда равновесие вновь восстанавливается (при этом количество речевых действий для восстановления равновесия может быть различным)*.

В параграфе 4.1. представлен общий алгоритм анализа речевого события.

На первом этапе анализа осуществляется идентификация субъекта социальной коммуникации, определяются его структурные характеристики и возможные их иерархии. Если доступна информация о возрасте, гендере,

этнической принадлежности и др. социокультурных параметрах, степени сформированности языковой способности, коммуникативном опыте и других индивидуальных характеристиках, она включается в анализ для определения начального звена коммуникации, которое мы называем *точкой рекурсивности* (отправного момента коммуникативного взаимодействия, актуального соотношения структурных свойств субъекта коммуникации).

Точка рекурсивности задает вектор коммуникативного взаимодействия, определяет, как будет происходить адаптация субъекта коммуникации с целью восстановления равновесия между ним и средой.

На втором этапе анализа осуществляется идентификация и иерархизация релевантных для субъекта коммуникации средовых факторов. Как следует из центральных постулатов теории аутопозза, релевантность средовых факторов определяется субъектом коммуникации исходя из актуального соотношения его структурных свойств. В связи с этим можно утверждать, что один и тот же индивид в разных коммуникативных контекстах может ориентироваться на разное количество средовых факторов и приписывать этим факторам разную значимость. А это, в свою очередь, определяет характер и количество рекурсивных шагов, совершаемых коммуникантом в пределах одного речевого события и, следовательно, количественно-качественный анализ линейных речевых действий в пределах одного рекурсивного шага (**третий этап анализа**).

Результаты анализа эмпирического материала с опорой на указанный алгоритм позволяют моделировать рекурсивные шаги, осуществляемые одним либо несколькими субъектами. За счет этого возможно воссоздать общую динамику коммуникативного взаимодействия, что порождает и прогностическую перспективу анализа: возможность выстраивать алгоритм дальнейшей коммуникации между изучаемыми субъектами. Универсальность разработанного алгоритма подтверждается в диссертации анализом разных речевых событий.

Анализ видеозаписей и стенограмм политических теледебатов (параграф 4.2. «**Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников политических дебатов**») показал, что вступающие в коммуникацию индивиды могут представлять собой разные типы самоорганизующихся систем. Подобное несовпадение приводит к определенным сбоям социального взаимодействия – коммуникант не распознает или не учитывает речевое действие собеседника, переключаясь в ответе на собственный доминирующий мотив. В таких случаях речевое взаимодействие коммуникантов не опосредуется когнитивным взаимодействием, и, следовательно, рекурсивный шаг не осуществляется.

Аналогичные схемы адаптивного поведения участников речевого события наблюдаются при анализе других образцов публичных дебатов, например, вопросно-ответной и дискуссионной части заседаний по защите диссертаций на соискание ученой степени (параграф 4.4. «**Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников академического общения**»). Видимо, это связано именно с публичным характером подобного коммуникативного взаимодействия.

Несколько иные тренды наблюдаются при применении разработанной схемы для анализа интернет-коммуникации (параграф 4.3. «**Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников интернет-общения**»). Вступая в коммуникативное взаимодействие на форуме или в чате, участник общения не ориентирован на поддержание равновесных отношений со средой за счет использования разных адаптационных механизмов. Напротив, коммуникация, опосредованная интернет-платформой, видится как возможность демонстрации нетипичного для межличностного общения коммуникативного поведения: использование агрессивных комментариев в адрес собеседников, выражено критические высказывания, нарушение норм литературного языка и пр. Иными словами, коммуникация осуществляется за счет обмена речевыми действиями при фактически полном отсутствии взаимодействия на когнитивном уровне. При

этом участники общения представляют собой резистивные живые системы, не реализующие (именно в рамках этого формата коммуникации) адаптационные механизмы. Это проявляется, например, в использовании однотипных речевых действий, в том числе ответных, не направленных на *развитие* коммуникативного взаимодействия. Взаимодействие коммуникантов сохраняет только *структурную* рекурсивность, но однопорядковость используемых речевых действий свидетельствует об отсутствии предполагаемого в коммуникации когнитивного, содержательного взаимодействия между участниками.

Это согласуется с результатами экспериментов, когда участникам интернет-общения предъявляли фрагмент интернет-форума и просили оценить то, насколько успешно происходит взаимодействие между собеседниками: большинство испытуемых указывало на отсутствие какого-либо взаимодействия (см., например, комментарий испытуемого *Everyone is telling their own opinion and no one is listening to*).

В параграфе 4.5 «**Анализ динамики развития медиасобытия (на материале циклов статей)**» разработанная ранее схема анализа динамики рекурсивного взаимодействия применяется для анализа цикла медиатекстов, в которых освещаются события «газового» конфликта между РФ и Украиной (30 статей, опубликованных одним медиаизданием в течение одного календарного месяца).

Согласно выдвинутой нами гипотезе, речевое событие рекурсивно взаимодействует со средой, в которой оно продуцируется и на которую оно направлено. Подобное взаимодействие возможно в силу адаптивности и способности к самоорганизации и речевого события, и среды, которые на каждом последующем этапе эволюции претерпевают определенную внутреннюю перестройку и при новом взаимодействии требуют от контактирующего с ними объекта новой адаптации. При этом среда, в которой функционирует речевое событие, представляет собой комплексную систему, включающую ряд составляющих: *политические факторы* (действия

и комментарии участников конфликта, резонанс в мировой политике и пр.); *социальные факторы* (реакция мировой общественности, действия и комментарии со стороны общественных организаций и пр.); *количество рекурсивных шагов* (поскольку на каждом этапе взаимодействия происходит эволюция и речевого события, и среды, при каждом дальнейшем рекурсивном шаге меняется характер собственно взаимодействия); *новые факты* (новые данные о конфликте, которыми располагают СМИ); *внутренние факторы* (мотивы автора статьи, тип периодического издания – государственное или частное и пр.); *уровень осмысления конфликта* (в ходе рекурсивного взаимодействия изменяется глубина осмысления, ментального «отображения» конфликта) и пр.

Проведенный анализ речевых событий позволяет констатировать применимость разработанного алгоритма анализа к разным сферам вербального взаимодействия, что свидетельствует об универсальности разработанной модели.

В Заключении отражены выводы, сделанные в ходе исследования, и намечены перспективы исследования, связанные, во-первых, с операционализацией предложенной нами модели, предполагающей конструирование ряда *частных моделей*, применимых к конкретным областям коммуникации; во-вторых, с разработкой частных *аналитических методик* речевых событий, принадлежащих к дискурсам разного типа; в-третьих, с детальным исследованием (от лингвистического до нейрофизиологического) характера связности речевых событий, возможно, определяющей характер континуальности коммуникации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объемом **27,59 п.л.**

В изданиях, входящих в базу данных Scopus и Web of Science:

1. Kardanova-Biryukova K.S. Associative Experiment as a Tool to Construct Dictionary Entries (Ассоциативный эксперимент как основа создания словарной статьи) / K.S. Kardanova-Biryukova // Proceedings of the XVIII

EURALEX International Congress “Lexicography in Global Contexts” (Материалы XVIII Международного конгресса EURALEX: Лексикография в мировой практике). – Любляна: Университет г. Любляны, Гуманитарный факультет, 2018. – Р. 675-683. (0,75 п.л.)

2. Карданова-Бирюкова К.С. Создание русскоязычной версии международного инструмента оценивания ранних навыков чтения / А.Е. Иванова, К.С. Карданова-Бирюкова // Вопросы образования. – 2019. – №4. – С. 93-115. (1,75 п.л. / авт. вклад – 0,85 п.л.)

В изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

3. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Сравнительный анализ содержания лексемы ИМПЕРИЯ в русском и английском языках как база моделирования образа сознания / К.С. Карданова // Вестник МГЛУ. – Вып. 511. Языковое сознание и культура. – Серия «Лингвистика». – М., 2005. – С. 67-74. (0,45 п.л.)
4. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Метафоризация лексем *империя/empire* в Интернет-дискурсе как инструмент реконцептуализации образа ИМПЕРИЯ/EMPIRE / К.С. Карданова // Вестник МГЛУ. – Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Серия «Лингвистика». – М., 2007. – С. 109-121. (1,1 п.л.)
5. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Психолингвистическое моделирование структур общественного сознания: к разработке методологии / К.С. Карданова // Вестник МГЛУ. – Вып. 557. Языковое существование человека и этноса. – Серия «Языкознание». – 2009. – С. 42-56. (0,7 п.л.)
6. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Принципы описания динамики речевого события (на материале политического дискурса) / К.С. Карданова

- // Вестник ТвГУ. – Серия «Филология». – Вып. 3. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 25. – С. 31-38. (0,5 п.л.)
7. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность / К.С. Карданова // Русский язык в школе. – 2010. – № 9. – С. 61-65. (0,5 п.л.)
 8. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность (окончание) / К.С. Карданова // Русский язык в школе. – 2010. – № 10. – С. 64-68. (0,5 п.л.)
 9. Карданова-Бирюкова К.С. Научные модели коммуникации: принципы построения / К.С. Карданова-Бирюкова // Русский язык в школе. – 2012. – № 3. – С. 59-64. (0,5 п.л.)
 10. Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивное взаимодействие как основа межличностной коммуникации (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») / К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГПУ. – Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2013. – № 2 (12). – С. 77-86. (0,6 п.л.)
 11. Карданова-Бирюкова К.С. Modeling Translating as a Dynamic Process: Autopoietic Framework (Моделирование перевода как динамического процесса: с позиций теории аутопоэза) / К.С. Карданова-Бирюкова // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 7. – С. 244-254. (0,8 п.л.)
 12. Карданова-Бирюкова К.С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) / К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: «Языкознание». – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 85-97. (1,1 п.л.)
 13. Карданова-Бирюкова К.С. Особенности передачи полупредикативных структур при переводе английского научного текста на русский язык (на основе анализа статей, входящих в наукометрическую базу Scopus) / М.Н. Гудухина, К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник Северо-Восточного

- федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2020. – № 3 (77). – С. 51-59. (0,5 п.л. / авт. вклад – 0,3 п.л.)
14. Карданова-Бирюкова К.С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект / К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГЛУ. – Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 2 (844). – 2021. – С. 24-34. (0,56 п.л.)
15. Карданова-Бирюкова К.С. Выстраивание коммуникативного пространства носителями русского языка: универсальное и индивидуальное / К.С. Карданова-Бирюкова // Когнитивные исследования языка. – Вып. 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. – М.: ФЛИНТА, 2021. – С. 806-810. (0,3 п.л.)
16. Карданова-Бирюкова К.С. Осваивая новые форматы научной коммуникации: информационно-аналитический обзор материалов онлайн-конференций Society. Integration. Education (Латвия, г. Резекне, 22-23 мая 2020 г.) и Education and New Developments (Хорватия, г. Загреб, 27-29 июня 2020 г.) / А.А. Водяницкая, К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГПУ. – Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1 (41). – С. 168-172. (0,5 п.л. / авт. вклад – 0,25 п.л.)
17. Карданова-Бирюкова К.С. Становление в сознании школьника когнитивных структур, репрезентируемых широкозначными словами (на примере глагола *to support*) / Е.Е. Лукьянова, К.С. Карданова-Бирюкова // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: Лингвистика и педагогика. – 2021. – № 3. – С. 102-110. (0,5 п.л. / авт. вклад – 0,25 п.л.)
18. Карданова-Бирюкова К.С. Цифровые инструменты в проведении психолингвистического исследования / К.С. Карданова-Бирюкова // Crede Experto: Транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 4. – С. 123-135. (0,8 п.л.)

В коллективных монографиях:

19. Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивный шаг как переводческая операция / К.С. Карданова-Бирюкова // Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: комплексный анализ переводческого процесса. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 208-248. (2,2 п.л.)
20. Карданова-Бирюкова К.С. Сопоставительный анализ динамики «имперского» сознания американцев и русских (по данным ассоциативного эксперимента) / К.С. Карданова-Бирюкова // Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. – М.: Р. Валент, 2019. – С. 146-181. (2 п.л.)

В других изданиях:

21. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Вербальная репрезентация «имперского сознания» в медиа-дискурсе (на материале американской прессы) / К.С. Карданова // Речевая деятельность, языковое сознание, общающиеся личности: сб. тезисов XV симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2006. – С. 142-143. (0,1 п.л.)
22. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Исследование содержания образа языкового сознания как база переводческой деятельности / К.С. Карданова // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе: материалы научно-практической конференции. – М., 2006. – С. 124-132. (0,25 п.л.)
23. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Медиатекст и опосредованное закрепление образов общественного сознания / К.С. Карданова, А.Г. Сонин // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. науч. статей. – Вып. 11. – М., 2006. – С. 111-118. (0,5 п.л. / авт. вклад – 0,25 п.л.)
24. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Изучение содержания образа сознания как основа кросс-культурного исследования / К.С. Карданова //

- Англистика XXI века: сб. докладов III Всероссийской межвуз. научно-методической конф. – СПб., 2007. – С. 425-429. (0,5 п.л.)
25. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Образ сознания vs. паттерн активации / К.С. Карданова // Всероссийская научно-практическая конференция «Психология когнитивных процессов»: материалы конференции. – Смоленск, 2007. – С. 236-241. (0,4 п.л.)
26. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Модели сознания: от образа сознания к паттерну активации / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин, К.С. Карданова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. статей. – М.: РАН ИНИОН Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2008. – С. 158-182. (1,75 п.л./ авт. вклад – 0,5 п.л.)
27. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Психолингвистические способы оценки качества искусственного билингвизма / К.С. Карданова // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе: Материалы научно-практической конференции. – М.: Академия ФСБ РФ, ФИЯ, 2009. – С. 176-187. (0,6 п.л.)
28. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Структурные преобразования при переводе с русского языка на английский язык / К.С. Карданова // Языковой дискурс в социальной практике: Сб. материалов конференции. – Тверь: ТвГУ, 2009. – С. 286-292. (0,3 п.л.)
29. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Психолингвистическое моделирование этнических констант (на примере этнической константы ИМПЕРИЯ в американской и русской культуре) / К.С. Карданова // Англистика XXI века: Сб. докладов IV Всероссийской межвуз. науч.-метод. конф. – СПб., 2009. – <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles/psikhologicheskoe-modelirovanie> (0,1 п.л.)
30. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Рекурсивность как коммуникативный принцип / К.С. Карданова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы

- международной школы-семинара. – Вып. 17. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 68-84. (1 п.л.)
31. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Межличностная коммуникация как рекурсивное взаимодействие: построение модели / К.С. Карданова // Методология современного языкознания: Сб. статей. – М.: АСОУ, 2010. – С. 90-106. (0,9 п.л.)
32. Карданова (Карданова-Бирюкова) К.С. Особенности рекурсивного взаимодействия при диалогическом общении на иностранном языке (на основе экспериментальных данных) / К.С. Карданова // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе: Материалы юбилейной, посвященной 20-летию образования факультета, межвуз. науч.-практ. конф. – М.: Академия ФСБ РФ, ФИЯ, 2011. – С. 122-133. (0,45 п.л.)
33. Kardanova (Kardanova-Biryukova) K.S. What is Recursive Step in Translating? (Рекурсивный шаг в процессе перевода) / K.S. Kardanova // Book of Abstracts. Translata 2011 (Сборник тезисов конференции “Translata 2011”). – Innsbruck, 2011. – P. 125. (0,1 п.л.)
34. Kardanova-Biryukova K.S. What is Recursive Step in Translating? (Рекурсивный шаг в процессе перевода) / K.S. Kardanova-Biryukova // Translationswissenschaft interdisziplinär: Fragen der Theorie und Didaktik (Translation Studies: Interdisciplinary Issues in Theory and Didactics)”: Proceedings of the 1st International Conference TRANSLATA «Translation & Interpreting Research: yesterday – today – tomorrow» (Переводоведение: междисциплинарные вопросы теории и дидактики: Материалы 1ой международной конференции “TRANSLATA: Исследования в области переводоведения: вчера – сегодня – завтра”) – Vol. 15. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2012. – S. 171-176. (0,5 п.л.)
35. Карданова-Бирюкова К.С. Принципы организации психолингвистического эксперимента и обработки его результатов / К.С. Карданова-Бирюкова, А.Г. Сонин // Годичник на департамент „Чужди езици и литератури“ 2011-

- 2012“, Нов български университет (НБУ). – София, 2012. – С. 369-395.
(1,25 п.л. / авт. вклад – 0,6 п.л.)
36. Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивность как динамический принцип коммуникации / К.С. Карданова-Бирюкова // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – М.: Академия ФСБ РФ, ФИЯ, 2013. – Том I. – С. 184-190.
(0,23 п.л.)
37. Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивность как универсальный принцип коммуникативного взаимодействия / К.С. Карданова-Бирюкова // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе: материалы межвузовской научно-практической (21 мая 2014 года). – Т. 1. – М., 2015. – С. 116-124. (0,3 п.л.)
38. Карданова-Бирюкова К.С. Иерархизация средовых факторов субъектом коммуникации как основа коммуникативного взаимодействия / К.С. Карданова-Бирюкова // Методология современного языкознания – 2: Вопросы внешней лингвистики (Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация). – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 104-124.
(1 п.л.)
39. Карданова-Бирюкова К.С. Реализация коммуникантом адаптационных механизмов в процессе коммуникативного взаимодействия: по данным эксперимента / К.С. Карданова-Бирюкова // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе: материалы межвузовской научно-практической конференции (24 мая 2016 года). – Ч. I. – М., 2017. – С. 117-127. (1 п.л.)
40. Карданова-Бирюкова К.С. Принципы описания коммуникативного поведения участника межличностного взаимодействия (по данным эксперимента) / К.С. Карданова-Бирюкова // Языковое бытие человека и этноса. Сб. статей по материалам XIII Международных Березинских чтений. – М., 15 мая 2017 г. – Вып. 19. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 111-119. (0,5 п.л.)

41. Карданова-Бирюкова К.С. Специфика реализации адаптационных механизмов участников межличностной коммуникации (по данным эксперимента) / К.С. Карданова-Бирюкова // Военно-гуманитарный альманах: «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет, 30 июня 2017 г. – Серия «Лингвистика». – Вып. 2. – Том 2. – М., ИД «Международные отношения», 2017. – С. 30-39. (0,45 п.л.)
42. Kardanova-Biryukova K.S. Principles of Modelling Interpersonal Communication: Experimental Verification of the Model (Принципы моделирования межличностной коммуникации: экспериментальная верификация модели) / K.S. Kardanova-Biryukova // Sprachen für Europa. Mehrsprachigkeit als Chance (Language(s) for Europe. Multilingualism as a Chance). Selected papers of the 52nd Linguistics Colloquium in Erlangen (Языки Европы – возможности многоязычия: материалы 52-го Лингвистического коллоквиума). – Эрланген, 2017. – P. 265-272. (0,75 п.л.)
43. Карданова-Бирюкова К.С. Принципы исследования адаптационных механизмов участников межличностного общения (по данным эксперимента) / К.С. Карданова-Бирюкова // Англистика XXI века: материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. – СПб.: Университетские образоват. округа, 2019. – С. 330-334. (0,5 п.л.)
44. Карданова-Бирюкова К.С. Теория аутопоеза как методологическая основа научных исследований / К.С. Карданова-Бирюкова // Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В.А. Пищальниковой. – М.: Р. Валент, 2021. – С. 112-129. (1,2 п.л.)